

Джонатан Троппер
Книга Джо

Jonathan Tropper
The Book of Joe

Джонатан Троппер

Книга Джо

роман

Перевод с английского
Сауле Туганбаевой

издательство **астрель**

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44
Т70

This edition is published by arrangement with *Writers House* and
Synopsis Literary Agency

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Троппер, Дж.

Т70 Книга Джо: роман / ДЖОНАТАН ТРОППЕР; пер. с английского
С. ТУГАНБАЕВОЙ. — М.: Астрель : CORPUS, 2011. — 480 с.

ISBN: 978-5-271-30297-8 (ООО "Издательство Астрель")

Американский писатель Джонатан Троппер — автор пяти романов, в числе которых мировой бестселлер "Дальше живите сами". Ему удается писать о серьезных вещах легко, иронично и в то же время проникновенно. Книги Троппера — о поиске себя и позднем взрослении, о попытках примириться с потерей близких и найти любовь — полны невероятно смешных сцен и искрометных диалогов. Герой "Книги Джо" — незадачливый молодой писатель, прославившийся разоблачительным романом о своем родном городе. Джо уверен, что никогда туда не вернется, но однажды ему приходится это сделать и взглянуть в глаза своим персонажам.

УДК: 821.111(73)-31
ББК: 84(7Сое)-44

ISBN: 978-5-271-30297-8 (ООО "Издательство Астрель")

© Jonathan Tropper, 2004
© С. Туганбаева, перевод на русский язык, 2010
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2010
© ООО "Издательство Астрель", 2010
Издательство CORPUS ®

*Я посвящаю эту книгу моей дочери,
Эмме Йетте Троппер, чей смех и любовь
изо дня в день придают мне сил,
а также памяти замечательной женщины,
чье имя она носит, — Йетты Троппер, которой
было достаточно просто войти в комнату,
чтобы в ней стало светло*

КНИГА ПЕРВАЯ

Я не знаю бед, я нашел свой клад
И подарков не жду иных.
Но, мой друг, жалок тот, кто собой лишь живет
И в свой мир не пускает чужих.

Брюс Спрингстин. Лучшие дни

Это город проигравших.
Я бегу отсюда прочь — побеждать.

Брюс Спрингстин. Грозовая дорога

Глава 1

Спустя всего несколько месяцев после самоубийства моей матери я как-то заглянул в гараж в поисках бейсбольной перчатки и наткнулся на Синди Познер, которая, стоя на коленях, самозабвенно делала минет моему старшему брату Брэду. Он опирался об отцовскую стойку для инструментов, и молотки с отвертками мелодично позвякивали на своих крючках в такт его рассказываниям, словно рождественские бубенцы, Брэд же при этом глядел в потолок — почему-то со скучающим видом. Джинсы и трусы его были спущены до колен, рука рассеянно покоилась на прыгающей голове Синди, пока та обслуживала его под такой необычный аккомпанемент. Я стоял как прикованный до тех пор, пока Брэд не почувствовал мое присутствие и не перевел взгляд с потолка на меня. В глазах его не отразилось ни тревоги, ни смущения от того, что я застал его в таком компрометирующем виде, а только все та же отрешенная скука,

которая, кажется, охватывала его всякий раз, когда дело касалось меня: “Ну да. У меня сосут в гараже. Могу поспорить, с тобой такого никогда не случится”. У Синди же, которая находилась ко мне спиной и поэтому заметила меня на пару секунд позже, случилась форменная истерика, она ругалась и вопила на меня до тех пор, пока я не бросился в поспешное, хоть и несколько запоздалое отступление. Мне было тогда тринадцать лет.

Вполне возможно, что Синди справилась бы со своими чувствами получше, знай она, что через несколько лет это происшествие будет увековечено в первой главе моего автобиографического бестселлера, по которому, как по большинству успешных книг, вскоре неизбежно снимут фильм. К тому моменту она будет уже не Синди Познер, а Синди Гофман, на четвертом курсе она выйдет замуж за моего брата, и включение в книгу этого эпизода не будет, скажем так, способствовать укреплению наших и без того достаточно шатких отношений. Книга будет называться “Буш-Фолс”, по имени маленького городка в Коннектикуте, где я вырос — ну, это я так выражаюсь, хотя пока нет единого мнения о том, вырос ли я вообще.

Теперь-то, конечно, вы уже слышали про “Буш-Фолс” и, разумеется, видели фильм — с Леонардо Ди Каприо и Кирстен Данст — сборы были весьма и весьма неплохие. Наверняка вы читали о том, какой шум он наделал в моем родном городе, где люди дошли до того, что подали против меня коллективный иск — совершенно, надо сказать, безрезультатно. Так или иначе,

два с половиной года назад книжка очень здорово продавалась, и я стал на какое-то время большой знаменитостью.

Любой зануда может почувствовать себя несчастным, когда дела идут плохо, но нужно быть занудой особой пробы, проявлять чудеса изобретательности, чтобы умудриться быть несчастным, когда дела идут так хорошо, как у меня. В свои тридцать четыре я богат, успешен, веду вполне регулярную сексуальную жизнь и при этом обитаю на Манхэттене в шикарной пятикомнатной квартире на севере Вест-Сайда. Всего этого более чем достаточно, чтобы держать, как говорится, мир за одно место, однако в последнее время у меня стало закрадываться подозрение, что под всей этой мишурой скрывается на самом деле глубоко несчастный и никому не нужный персонаж.

За два с половиной года, прошедшие с выхода “Буш-Фолс”, у меня не было недостатка в женщинах, однако каждая связь укладывалась ровно в восемь недель, и сценарий развития отношений от раза к разу не менялся. В первую неделю я выступаю по полной — дорогие рестораны, концерты, шоу на Бродвее, модные ночные клубы. Тонким комментариям из области литературы я скромно предпочитаю актуальные темы, сплетни из мира кино и жизни знаменитостей, а это, кто бы что ни говорил, в нью-йоркских ухажерах ценится более всего. То, что ты известный писатель, само по себе, конечно, неплохо, но рассказы о вечеринках студии “Мирамакс” или о том, как ты тусовался на съе-

мочной площадке с Лео и Кирстен, куда скорее доведут дело до постели, да и рассчитывать можно на даму калибром повыше. Вторая и третья недели обычно самые лучшие, как раз их хотелось бы заспиртовать на память, в основном за всплеск эндорфинов от свежих постельных утех. В какой-то точке четвертой недели я влюбляюсь, ненадолго начинаю думать, что, может, это оно, то самое, а затем все как-то само собой катится под откос. Я начинаю сомневаться, колебаться, бояться, слишком сильно привязываюсь. Провожу всякие психологические эксперименты над собой и над ней. В общем, картина ясна. Так продолжается еще пару неприятных недель, а всю седьмую неделю мы оба отчаянно надеемся, что роман волшебным образом исчезнет сам собой — от какого-нибудь природного катаклизма или случайного возгорания, как угодно, лишь бы избежать опасного и изматывающего пути к полному разрыву отношений. Последнюю неделю мы проводим, “взяв паузу”, и завершает ее формальный телефонный звонок, который подводит черту под отношениями и определяет какие-то последние оставшиеся телодвижения. Я завезу консьержке сумку и забытый тобою свитер от Донны Каран, книжки можешь оставить себе, спасибо за приятные воспоминания, никто ни на кого не в обиде, давай останемся друзьями, и так далее до посинения.

Я знаю, что обвинять других в собственных проблемах — признак малодушия, но я абсолютно убежден в том, что во всем виновата Карли. С Карли Дай-

монд я встречался в школе, это первая и единственная девушка, которую я по-настоящему любил. Мы были вместе весь выпускной год и любили друг друга со всей страстью и безапелляционностью юности. Это было в тот же год, когда произошли все ужасные события, описанные в моем романе, и наши отношения были единственным светлым пятном в моей зловеще разрастающейся вселенной.

Строго говоря, мы никогда не разрывали отношений. После школы мы поступили в разные колледжи — Карли на север, в Гарвард, а я на юг — в Нью-Йоркский университет. Мы пытались поддерживать роман на расстоянии, но мое твердое нежелание приезжать на совместные каникулы в Буш-Фолс усложняли дело, и в конце концов мы просто отделились друг от друга, хотя формального разрыва не было. После колледжа Карли приехала в Нью-Йорк учиться журналистике, и с этого момента нас засосала долгая, запутанная дружба старшекурсников ровно с тем объемом сексуальных отношений, который совершенно сбивает обоих с толку. В конце концов, после череды несвоевременных поступков и вмешательств третьих лиц, мы полностью похерили самое светлое и чистое, что бывает на свете.

Мы по-прежнему любили друг друга, уж это-то было очевидно, но в то время, как Карли была готова вернуться к прежним отношениям, я постоянно находил поводы не связывать себя обязательствами. Несмотря на всю свою любовь к ней (а я действительно ее

любил), я все время сверял наши отношения с той первоначальной красотой, с теми чувствами первооткрывателей, которые обуревали нас каждую минуту, когда нам было по семнадцать лет. К тому моменту, как я наконец осознал всю глубину своей ошибки, Карли уже ушла. Потерять ее один раз — это было обидно, но вполне объяснимо. Для того чтобы бездумно упустить второй шанс, данный мне судьбой, требовалась такая гремучая смесь самонадеянности и тупости, что я, очевидно, сознательно возвращал ее в себе, потому что я глубоко убежден, что не всегда был таким законченным козлом.

Никогда не прощу себе тех психологических игр, в которые я ее втягивал на протяжении всей ее жизни в Нью-Йорке: бросался ухаживать, как только мне начинало казаться, что она ускользает, а потом, когда опять чувствовал себя уверенно, отматывал назад. Я позволял ее стойкой вере в наши отношения поддерживать меня в те минуты, когда и сам в них не верил, заманивал ее высказанными и невысказанными обещаниями, которых не выполнял. К тому моменту, как я наконец начал понимать, как бессовестно использовал ее, пользоваться было уже нечем. Она уехала из Нью-Йорка совершенно раздавленная и разочарованная, вернулась в Буш-Фолс и стала главным редактором местной газеты “Минитмен”. Всякий раз, как мне начинает казаться, что я уже забыл ее, я вдруг вскакиваю посреди ночи и чувствую такую отчаянную тягу к ней, как будто она ушла не десять лет назад, а вчера.

С тех пор не проходит и дня, чтобы меня не посетило смутное, но невероятно сильное чувство сожаления, и каждая женщина, за которой я ухаживаю, напоминает мне о том, что я когда-то не сберег. Поэтому в каком-то смысле именно Карли виновна в том, что посреди ночи я находился в своей постели один, когда тишину квартиры, как звуком строительной дрели, разорвало телефонным звонком. Звонок телефона в два часа ночи редко предвещает что-то хорошее. Первое, что приходит мне в голову, когда я продираюсь сквозь тяжелый алкогольный дурман, — это звонит Натали, моя бывшая, находящаяся на грани психоза. Звонит, чтобы наорать. Не знаю, какой уж там вред я сумел нанести ее, очевидно, довольно хрупкой психике за восемь недель, но ее последний психотерапевт убедил ее, что у нее по-прежнему остался ко мне ряд неразрешенных вопросов и ей надлежит звонить мне с медицинской целью, когда вздумается, хоть днем, хоть ночью, чтобы напоминать, какой я бесчувственный чурбан. Звонки начались четыре месяца назад и теперь происходят довольно регулярно, и на домашний и на мобильный, — тридцатисекундные потоки пошлой брани, не требующие никакого участия с моей стороны. Если я не беру трубку, Натали вполне удовлетворяется тем, что наговаривает свои сокрушительные тирады на автоответчик. Ее всегда привлекали радикальные методы терапии, точно так же как меня, похоже, в последнее время привлекают женщины, которые в ней нуждаются.

Телефон продолжает звонить. Не могу сказать, сколько было гудков, два или десять, знаю только, что гудки не прерывались. Я перекатываюсь на бок и начинаю энергично тереть лицо, пытаюсь вытрясти сон из головы. Я чувствую, какая дряблая кожа у меня на щеках, словно излишества предыдущего вечера неизменно состарили меня. Вчера мы гуляли с Оуэном и, как всегда, упились в стельку. Оуэн Хобс, мой непревзойденный агент, является моим эмиссаром не только в литературном мире, но и во всех мыслимых областях хаоса и дебоша. Я никогда не пью — только с ним, но с ним я пью так же, как пьет он сам — жадно и с размахом. Он сделал меня богатым и получает с этого пятнадцать процентов, что оказалось лучшим фундаментом для дружбы, чем можно было бы подумать, и обычно эта дружба стоит тех тяжелых похмелей, которые следуют за нашими, как он выражается, “празднествами”. Вечер в компании Оуэна неминуемо принимает форму затягивающей воронки, и впоследствии, возвращая свое стонущее тело к реальности, в которой грубо смыкаются угрызения совести и трезвость, из всего нашего коловращения я могу смутно вспомнить только пару безумных витков. А пока я все еще нахожусь в объятиях того зыбкого лучезарного состояния, когда опьянение уже ушло, а похмелье еще может и не наступить, однако меня все же слегка подташнивает и качает.

Телефон. Не поднимая впечатавшейся в подушку головы, я протягиваю руку в сторону тумбочки, сши-

баю на ходу несколько журналов, открытый пузырек напроксена и кружку, наполовину заполненную водой, которая беззвучно выплескивается на пушистый бежевый ковер. Трубка, оказывается, с самого начала была на полу, и когда я наконец ее обнаруживаю и подношу к прикованной к подушке голове, холодные капли пролитой воды слизняками заползают мне в ухо.

— Алло? — Голос женский. — Джо?

— Кто это? — отвечаю я, слегка приподнимая голову, чтобы переместить микрофон хотя бы примерно в окрестность моего рта. Это не Натали, значит, может возникнуть необходимость что-то сказать.

— Это Синди.

— Синди, — осторожно повторяю я.

— Твоя невестка.

— А.

Эта Синди.

— У твоего отца был инсульт. — Жена моего брата сразу выпаливает концовку. В большинстве семей такие серьезные сообщения тщательно продумываются, чтобы аккуратно подготовить слушателя и максимально смягчить удар. Столь трагичную новость наверняка сообщал бы кровный родственник, в данном случае мой старший брат Брэд. Но я являюсь родственником и Брэду и отцу только в юридическом смысле. В тех редких случаях, когда они признают факт моего существования, это происходит исключительно в рамках выполнения общественного долга, вроде уплаты налогов или заседания в суде присяжных.

— Где Брэд? — говорю я, старательно приглушая голос без всякой необходимости, как это делают одиноко живущие люди.

— Он в больнице, — отвечает Синди. Она меня никогда не любила, но в этом не только ее вина. Я никогда не давал ей повода себя любить.

— Что произошло?

— Твой отец в коме, — отвечает она как ни в чем не бывало, как если бы я спросил ее, который час. — Ситуация серьезная. Не понятно, выживет ли он.

— Спасибо, что так тактично подготовила меня к этой новости, — бормочу я, поднимаясь на кровати, отчего триллионы нервных клеток в моем левом виске, подобно футбольным болельщикам, выплескивают наружу огромный запас агрессии.

Пауза.

— Что? — спрашивает Синди. Я вспоминаю, что мои шутки обычно до нее не доходят. Я провожу краткую инвентаризацию своих чувств, пытаюсь обнаружить какую-нибудь реакцию на сообщение о том, что мой отец при смерти: скорбь, шок, злость, неприятие. Хоть что-то.

— Ничего, — отвечаю я.

Снова тяжелая пауза.

— В общем, Брэд велел передать, что сегодня приезжать не нужно, но завтра он встретит тебя в больнице.

— Завтра, — тупо повторяю я, снова глядя на часы. Завтра уже наступило.

— Можешь остановиться у нас либо у отца. На самом деле от его дома до больницы даже ближе.

— Хорошо.

В самой глубине своего рассеивающегося ступора я отмечаю, что где-то требуется мое присутствие. Более того, оно вроде даже само собой подразумевается. И то, и другое крайне необычно.

— Ну так что? Ты у нас остановишься или у отца?

Более чуткий человек подождал бы, пока у слушателя пройдет первый шок, прежде чем обсуждать технические вопросы, но по отношению ко мне никакого запаса чуткости у Синди нет.

— Все равно, — говорю я. — Как вам удобнее.

— Ну, у нас такой сумасшедший дом — дети и все такое, — отвечает она. — Тебе, наверное, будет лучше в вашем старом доме.

— Хорошо.

— Твой отец лежит в больнице Мерси. Рассказать, как проехать?

Похоже, этим она хочет подчеркнуть, что я почти семнадцать лет не был в Буш-Фолс.

— Она что, переехала?

— Нет.

— Тогда я, думаю, найду.

Я слышу ее приглушенное дыхание, пока в трубке, подобно опухоли, растет новая пауза. Синди старше меня на три года, и в Буш-Фолс она была типичной школьной звездой. Блестящие черные волосы и исключительное тело, натренированное на репетициях группы поддержки баскетбольной команды, — все это делало ее самой популярной героиней эротических

сновидений многих бушфолсцев. Да я и сам не раз и с большим удовольствием представлял ее в фантазиях, в немалой степени основанных на воспоминаниях о сцене в гараже. Но теперь ей тридцать семь, у нее трое детей, и даже по телефону чувствуется варикозное расширение вен.

— Тогда ладно, — произносит наконец Синди. — Ну что, увидимся завтра?

— Ага, — говорю я.

Как будто такое происходит каждый день.

Глава 2

Я уехал из Буш-Фолс сразу после окончания школы и с тех пор там не был.

Ни разу не возникало необходимости навестить город детства, и, напротив, находились тысячи причин, чтобы там не появляться. Во-первых, там по-прежнему живет мой отец, все в том же большом доме в колониальном стиле, где я провел первые восемнадцать лет своей жизни, и прошло уже много лет с тех пор, когда мы хоть зачем-то были нужны друг другу. Каждый год незадолго до Дня благодарения Брэд звонит мне, приглашая приехать к ним с Синди, поесть индейки в кругу семьи. Но я-то знаю, что он просто хочет воспользоваться случаем, чтобы показать свое благородство. Это же Брэд — мой брат, старше меня на четыре года, из-за которого меня увезли по “скорой”, когда он в шутку наехал на меня на отцовском старом битом “понтиаке”, как только получил права, хотя я просто стоял на лу-

жайке возле дома, никого не трогал, кидал мячик в кольцо. Машина остановилась не совсем там, где он планировал, и в результате у меня оказался перелом запястья и смещение плечевого сустава — тоже в общем-то не то, что планировал я. А потом он заявил, что я совершенно неожиданно кинулся под колеса. Поверил ему отец или нет — значения не имело, потому что на следующий день была назначена важная игра с Фэрфилдом, и весь Буш-Фолс рассчитывал на Брэда: он должен был привести “Кугуаров” ко второй победе подряд в чемпионате штата. Вряд ли отец стал бы наказывать городского героя.

Такая вот у нас семейка.

Моя мама, Линда, страдала маниакально-депрессивным расстройством, что вскрылось слишком поздно. Она покончила с собой ужасным образом — бросилась в водопад на реке Буш и утонула, когда мне было двенадцать лет. Иногда я вспоминаю ее до того, как ее охватило безумие и назначенные антидепрессанты, не облегчив ее страданий, высосали из нее все соки. Высокая, говорила негромко, в глазах смешинки, и улыбка такая озорная всегда, что казалось, именно с тобой она сейчас шутит и никто на свете не понимает этой шутки, кроме вас двоих. Целуя меня на ночь, она называла меня “медвежонок Джо”. Как же заразительно она смеялась и как горько и часто плакала! Брэда, отца и меня жестоко качнуло волной от ее самоубийства: без того, чтобы она по-женски мягко нас направляла, мы совсем не могли общаться друг с другом.

В конце концов отец с Брэдом сошлись на баскетболе. Брэд был ведущим форвардом у буш-фолских “Кугуаров”, что является абсолютной вершиной в карьере бушфолсца. Он два раза принес команде победу на чемпионате штата, поставил по дороге тучу рекордов и трахнул немало девчонок из группы поддержки. В общем-то больше Брэд тогда ничем и не занимался: только трахался да играл в баскетбол. В принципе — совсем не плохо, если у тебя получается. У меня вот не получалось, и поэтому Брэду говорить со мной было не о чем — он испытывал ко мне смесь любопытства с презрением. Что же до меня самого, то я считал Брэда убогим одноклеточным, но готов был отдать что угодно, лишь бы оказаться на его месте. Мой отец, Артур, в свое время тоже играл за “Кугуаров”. Правда, он был не таким ярким игроком и теперь не пропускал ни одной игры Брэда — ни на своем, ни на чужом поле. Каждый раз они обсуждали матч, снова переживали острые моменты и вместе смотрели игры Университета Коннектикута.

Если кто еще не понял, в команду меня не приняли.

В нашей трагически сократившейся семье не было места циничному донельзя подростку, не способному ни как следует вести мяч, ни забрасывать издали, и я стал презирать безраздельную преданность “Кугуарам” и вообще все, что имело отношение к баскетболу. Вопрос о том, кто виноват в возникновении этого порочного круга отчуждения и обиды, сродни дилемме о курице и яйце, но как бы там ни было, разрыв между на-

ми продолжал увеличиваться. Даже если мой отец и предпринимал какие-то попытки его преодолеть, они были столь незначительны, что с моего края пропасти даже не просматривались. Брэд получил стипендию Университета Коннектикута и уехал учиться в тот же год, когда я перешел в буш-фолскую старшую школу, и мы с отцом остались один на один в неумолимой тишине, мертвой хваткой сковавшей наш дом.

Возвращаться в Буш-Фолс я не собирался, ясное дело. Иначе я не стал бы писать романа, в котором смешал с грязью все и вся в этом городе. На самом деле я никогда по-настоящему не верил, что роман мой будет опубликован. Вот я и написал книжку про свой город, про Карли, Сэмми и Уэйна, про ужасные события выпускного года, и писалось мне легко, потому что я был уверен, что книга никогда не выйдет в свет. И вдруг звонит мне вечером Оуэн Хобс и сообщает, что она “опупенно гениальна”. Мало кому сошло бы с рук такое выражение. Но Оуэну можно — потому что Оуэн сам опупенно гениален.

Судя по статистике, шанс написать бестселлер практически равен нулю. В общем-то обложить сразу целый город тоже довольно непросто. Мне же, как самому главному отличнику, удалось одним махом сделать и то и другое. Надо сказать, на противопоставлении себя коллективу я собаку съел.

Так что возвращаться в Буш-Фолс я не планировал. Но не планировал я и того, что однажды пятничным вечером во время матча ветеранов “Кугуаров” в

школьном спортзале отца хватит обширный инсульт. Синди сказала, что он стоял на метр левее вершины трапеции, это место он называл своей коронной точкой. Оттуда он всегда бил без промаха. Он подпрыгнул в броске и упал без сознания, распластавшись на полированном деревянном полу. Все свидетели, бывшие спортсмены в разной степени увядания, в один голос уверяли, что бросок был отменный. Как будто это что-то меняет. Коронная точка, ничего не скажешь.